

ПОЭТИЧЕСКАЯ СЕДМИЦА

Алексей Антонов,
*доцент Литературного института
им. Горького*

Стихи Александра Орлова похожи на клубки разноцветных ниток, на калейдоскопы, где несочетаемое сочетается в самых неожиданных комбинациях. Сплетения и пересечения — вот метод и конёк автора.

Он одинаково свободно живёт в истории (будь это тысячелетняя история древних монголов, где нет-нет да и дают о себе знать татарские корни — или семейные «памяти», отражённые в стихотворениях о дедах и отце) и в современности.

Он одинаково просто беседует с другом и с Богом. Серафимы и Херувимы, встречающиеся на страницах книги Александра Орлова, выглядят очень естественно, потому что поэт всегда существует в двух измерениях: здесь и сейчас и там, в вечности. Постоянное присутствие высших сил, непрекращающееся общение с ними делают его стихи, так сказать, ненавязчиво православными. Поэзия Александра Орлова вырастает из опыта, перерабатывает и переосмысливает его. Итак, наш сегодняшний автор — Александр Владимирович Орлов, учитель истории, истории религий и обществознания средней школы № 492, а попросту говоря — один из лучших московских учителей.

Александр Орлов
На морозе, в родительской вере...

Раскалённая светит полтина,
Впереди межевая верста.
Кинет листья под ноги осина,
Наливай мне в дорогу полста.

Не сверну ни направо, ни влево.
Всё хочу на двоих разделить:
И простор дождевого посева,
И крещенскую пышную кидь,

И кипящий озноб суховея,
И пророческий дух осенин.
Разделю, ничего не жалея,
Уходя в перепутье былин.

В облачении солнечной схимы
Не поверю, что дни сочтены,
Но мерещатся мне Серафимы
За багровым кустом бруслины.

Как лист смоляной в половодье излучин,
Я осенью рыжей оторван и скручен.
Подзимье пройдёт в родниковый наслуд,
Листвы обветшалою останки врастают.

В тончайшую глубь ледниковой тесьмы
Вплетаются сказки, былины, псалмы...
И, может быть, в Сретенье или Крещенье
Ты вспомнишь меня, поджигая поленья.

Сварог разорвёт огневую фелонь,
Горящей щетиной уткнётся в ладонь.
И, глядя в искристые космы огня,
Вернуть ты захочешь огонь и меня.

Александр Орлов

Так кичливо, придирчиво, в оба
Смотрят два здоровенных сугроба.
Пролегла между ними стезя,
Мне пройти бы, да только нельзя.

Я для них обмороженный нищий
Из них каждый в сто крат меня чище,
Каждый выше, сильнее и моложе,
И молю я: «Спаси меня Боже!»

От детей чаровницы — пурги,
Что в снега до весны залегли,
И решили, что делать со мной,
Поджидая во тьме снеговой.

Я сугробы обнял сгоряча,
Мои руки — два жгучих луча
Превращали сугробы в комки,
В почерневшую слизь у реки.

Вот солнца вечернего сколы
Пронзают червлёную тьму,
В закате скрывается холод,
И день превратился в золу.

Я чувствую скорость эпохи,
Живу в круговом полусне,
Ищу в кольцевой суматохе,
В дремучей людской толкотне.

И в жадной циничной рутине,
В боязни вселенской нашёл
Утром, в ольховой лощине,
Солнца вечернего скол.

ШКОЛА

Мгновенье пройдёт, и в соломенной гари
Исчезнет лист вербы, разорванный, карий,
Он станет ничем, обесцвеченным дымом,
Рассеется в сущем, нетленном, незримом.

Он будет безвестным, и в скором потоке
Рассмотрит, как вьюги и ливни жестоки,
Как тучи безвластны, а звёзды ленивы,
Святые почили, опричники живы,

Как мир навсегда рассечён пополам,
И каждый погост устремлён к куполам,
И молит о тех, кто живёт сгоряча,
И в холод уходит, и рубит сплеча.

Когда сугробы подрастут,
Покроет солнце снеговину,
Московский коммунальный спуд
Я днём и ночью не покину.

Оледенело всё насквозь,
К тебе не сделаю и шага.
Тепло прощальное отбрось
В завалы снежные оврага.

Обломки веток, света, льда
Смешались в сумраке обочин,
И мчатся в холод поезда,
И расставаний график точен.

Круг луны, словно глаз василиска,
Так отчётливо светит, так близко,
Ослепляет и манит прохлады,
Ночь зловеще застыла у МКАДа.

Александр Орлов

И посыпались с неба соринки,
В белый мрак превращая Кузьминки.
Мне не спрятаться надо, укрыться...
Опоздал, и закрыта теплица.

На морозе в родительской вере
Я смотрю сквозь бесцветные двери,
И всё жду освящённых щедрот
Каждый час,
Каждый день,
Каждый год...